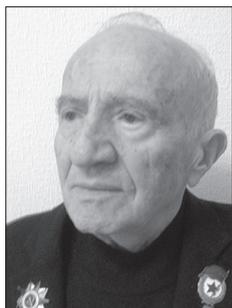

✦ Профессиональное кредо

UDC 101.9

DOI: 10.30936/1606-951X-2019-21-3/4-236-257

Д.И. ДУБРОВСКИЙ, Ю.М. РЕЗНИК

ФИЛОСОФИЯ КАК ПРОФЕССИЯ И ОБРАЗ ЖИЗНИ (23 апреля 2019 г.). Часть 1

***Аннотация:** В жизни каждого человека наступает момент, когда он должен подвести итог своей многолетней деятельности и сделать вывод о том, что ему удалось и что не удалось сделать. Главный герой настоящей беседы — профессор Дубровский Давид Израилевич — прошел сложный и длинный жизненный путь. За его плечами годы войны, учебы и успешной карьеры в философии, которая выбрала его, а он выбрал её и ни разу об этом не сожалел.*

Профессиональное становление Д.И. Дубровского проходило в конце 1940-х — первой половине 1950-х гг. в условиях сталинского режима. И, несмотря на идеологические и бюрократические препятствия, ему удалось добиться невозможного — получить философское образование и защитить кандидатскую диссертацию.

По большому счету мы имеем дело с самородком, у которого не было непосредственных наставников. Ему приходилось прокладывать дорогу в философии самому, преодолевая невероятные трудности. Вся жизнь Давида Израилевича — свидетельство борьбы за честное профессиональное существование и личное достоинство.

В итоге упорного труда сложилась полноценная исследовательская программа, ориентированная на поиск и решение фундаментальных философских проблем. В центре внимания Д.И. Дубровского — соотношение биологического и социального, телесного (физического) и духовного, мозга и сознания, индивидуального и общественного сознания. Им разработано теоретическое решение основных вопросов проблемы «Сознание и мозг». В отстаивании своего понимания истины он не боялся выступить против общепринятых представлений и признанных авторитетов. Его дискуссия с Э. Ильенковым по проблеме идеального вошла в историю отечественной философии второй половины XX века. Дис-

Дубровский Давид Израилевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: ddi29@mail.ru;

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра философских коммуникаций Института философии РАН (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.

куссия получила продолжение в бурном обсуждении знаменитого Загорского эксперимента со слепоглухонемыми.

Сегодня Д.И. Дубровский — не только автор собственной философской программы, но и постоянный участник научных советов и семинаров по проблемам сознания и искусственного интеллекта. Он разработал свой подход основных категориальных измерений философии, соединяющий онтологический, эпистемологический, аксиологический, праксеологический и экзистенциальный аспекты решения философских проблем, в т.ч. проблемы фундаментальной асимметрии в познавательной и практической деятельности человека. Давид Израилевич лично знаком с Далай-ламой и провел с ним ряд дружеских встреч. Не забывает он и о семье, которая окружает его постоянной заботой, а также о занятиях каратэ, укрепляющих силу духа. Во всех его занятиях философия составляет жизнеутверждающий стержень. Служению ей он посвятил больше 60 лет своей жизни.

Abstract: *The moment comes in every person's life when he must sum up many years of his activity and decide what he succeeded or failed to do. The main hero of this conversation, Professor David I. Dubrovsky, went through laborious and long life journey. He has years of war, learning and successful philosophical career behind him; as philosophy had chosen him so he has chosen philosophy and never regretted about this.*

His professional development has began in the late 1940s and the first half of 1950s under the Stalinist regime. Despite ideological and bureaucratic obstacles, he's been able to do the impossible — to get an education and defend his Candidate thesis. By and large, he is a nugget; his growth was without direct mentorship. He had to pave his way in philosophy for himself, overcoming improbable difficulties. The whole life of David Izrailevich is the record of struggle for honest professional existence and personal dignity.

The outcome of his lifework is the full-fledged research program aimed at search for and solution of fundamental philosophical problems. In its focus there lies the relationship between the biological and the social, the bodily and the mental, between brain and consciousness, individual and social consciousness. He elaborated the philosophical solution of the main aspects of consciousness—brain problem. In defending his understanding of the truth, he was courageous in attacking generally accepted notions and recognized authorities. His discussions with E. Ilyenkov on the problem of the ideal have entered into the history of Russian philosophy of the second half of the 20th century, and it was continued in enthusiastic discussion of famous Zagorsk experiment with the blind deaf mutes.

Nowadays Professor Dublovsky is not only the author of his own philosophical program but also the regular participant of scholarly councils and seminars on problems of consciousness and AI. He developed his own approach to the main categorical dimensions of philosophy that combines ontological, epistemological, axiological, praxeological and existential aspects of solving philosophical problems, including problems of fundamental asymmetry in cognitive and practical human activities. David Izrailevich is personally acquainted with Dalai Lama and had some friendly meetings with him. Also he does not forget about his family that surrounds him with constant care and about karate classes thzt strengthen the mental power. In all his studies the philosophy constitutes life-affirming core. Sixty years of his life are devoted to serving her.

Ключевые слова: философия, человек, биологическое, социальное, биосоциальная проблема, духовное, телесное, сознание, мозг, разум, информация, искусственный интеллект, ценности, познание, самопознание, преобразование, самопреобразование, знание, незнание, кризис цивилизации, философия будущего, поколения в философии, критика, Далай-лама, семья, здоровье, восточные единоборства.

Keywords: *philosophy, man, the biological, the social, bio-social problem, the mental, the bodily, consciousness, brain, mind, information, artificial intelligence, values, cognition, self-cognition, transformation, self-transformation, knowledge, ignorance, civilization crisis, philosophy of the future, generations in philosophy, critics, Dalai Lama, family, health, Oriental martial arts.*

Начало пути в философии

Юрий Михайлович Резник: *Уважаемый Давид Израилевич! Недавно Вам исполнилось 90 лет. И редакция нашего журнала присоединяется к многочисленным поздравлениям. Мы Вас любим и ценим за Вашу открытость, честность и преданность философии.*

Позвольте мне задать Вам несколько вопросов, относящихся к Вашему (и моему) любимому делу – философии. Заранее приношу извинения за прямые и неудобные вопросы. Очень хочу, чтобы наши читатели смогли услышать искренние и откровенные ответы от одного из самых уважаемых философов современной России. Мне кажется, что они только усилят остроту восприятия нашего разговора со стороны коллег, которые не просто внимательно наблюдают со стороны, но и активно участвуют в судьбе отечественной философии.

Давид Израилевич! Начну с самых традиционных вопросов. С чего началось Ваше знакомство с философией? Кто или что повлияло на Вас при выборе профессии философа? Кого Вы считаете своим учителем (или учителями)? Что Вас роднит с ним (ними) сегодня, когда Вы вспоминаете себя в молодости? Какой могла сложиться Ваша судьба, если бы Вы не пришли в философию?

Давид Израилевич Дубровский: Прежде чем ответить на эти вопросы, надо хотя бы кратко сказать о моем интеллектуальном уровне того времени. До войны я окончил пять классов. Четыре года во время войны не учился, работал в колхозе, был прицепщиком на тракторе, возил из райцентра за 30 км на волах бензин для комбайнов. Потом после второй эвакуации работал на заводе токарем, а потом был на фронте. В начале августа 1945-го года меня демобилизовали и я вернулся в город Мелитополь. Отец был уже дома, его демобилизовали на месяц раньше. Вот кому повезло! Прошёл всю войну с начала июля 1941 г. и остался жив. А ведь он в 1941 г. и 1942 г. выходил из окружения, был около года в гвардейской пехотной дивизии, участвовал во многих боях, ходил в атаку.

На второй день после возвращения домой я стал на учёт в горком комсомола и сразу был назначен секретарем комитета комсомола на завод АТРЗ, где, выполняя эти обязанности, работал токарем. В сентябре начал учиться в вечерней школе рабочей молодёжи, пошёл в сразу в 7-й класс (минуя шестой). Окончив 7-й класс, с трудом ушёл с завода (горком комсомола не отпускал) и поступил на подготовительное отделение Мелитопольского института инженеров-механиков сельского хозяйства. Там готовили для себя за один год студентов, принимали после 8-го класса, но меня в виде исключения взяли после 7-го. Так я за один год прошёл восьмой, девятый и десятый классы, сэкономил потерянные годы. Но я не хотел быть инженером-механиком сельского хозяйства, меня увлекала художественная литература.

Я хотел учиться на филологическом факультете университета. Поэтому в конце года я ушёл с подготовительного отделения, сдал экзамены на аттестат зрелости экстерном и поехал поступать в Киевский университет. Там выяснилось, что на филологическом факультете был большой конкурс – четыре человека на место. В прием-

ной комиссии я прочёл объявление о приеме на философский факультет. Тогда я о философии ровным счетом ничего не знал. Конкурс там был два человека на место. Выяснилось также, что мне придётся сдавать английский язык. А с этим дело у меня обстояло очень плохо. Учил его только в седьмом классе и немного, сам. Я задумался. Философия — это что-то высокое, умное. На этом факультете были отделения логики, психологии и диалектического материализма. О последнем я не слышал. Но психология и логика — это, наверное, интересно. И, главное, конкурс не четыре, а два человека на место. Короче, я неожиданно для себя подал документы на философский факультет. На экзаменах по русскому языку и по сочинению я получил пятерки, по истории — четыре, а по английскому был полный провал. Экзаменатор, пожилая женщина, посмотрела внимательно на мою застиранную солдатскую форму, немного помедлила и поставила мне тройку, спасла меня. Вот так, можно сказать, случайно, я выбрал философию.

Уровень преподавания на факультете, как я со временем понял, был крайне низким. Все обучение было сильно идеологизировано. Мы изучали в основном работы классиков марксизма-ленинизма и, главное, труды «величайшего гения человечества», «корифея науки», «дорогого и любимого вождя советского народа» товарища Сталина. Это было тяжкое время (1947-1952), время особой идеологической бдительности, борьбы с «отступлениями от линии партии» в науке, литературе, искусстве, борьбы против «презренных космополитов», против «физического идеализма», против «лжеучений в науках о языке», время разгрома генетики и большой группы самостоятельно мыслящих ученых в физиологии высшей нервной деятельности. Гремели открытые партийные собрания, на которых клеймили и изгоняли из университета, как правило, наиболее одаренных, ярких преподавателей. Вместо них появились какие-то серые дяди и тети, читавшие лекции по конспекту.

В Киеве я познакомился со слегка замаскированным украинским национализмом и с явным антисемитизмом, благодаря которому нам, «инвалидам пятой группы» (5-й пункт «Национальность» Анкеты по учету кадров) были закрыты пути в аспирантуру и к другим привилегированным назначениям (преподаванию в институтах, партийных школах и т.д.). Но я, видимо, как участник Отечественной войны, получил сравнительно хорошее назначение — в город Сталино (позже переименованный в Донецк), в среднюю школу, преподавателем недавно введённых дисциплин — логики и психологии. Через два года их отменили, и я вернулся к своей пролетарской специальности, стал преподавателем труда — слесарного дела, организовал в школе № 1 Донецка хорошую мастерскую. Мы делали вначале болты и гайки, а потом все более сложные вещи, даже приспособления для школьного физического кабинета. Многие ученики были увлечены этим делом, оставались в мастерской после уроков.

Я испытывал большое удовлетворение от своей преподавательской деятельности и в то же время занимался философией. Благо, что в Донецке была хорошая библиотека, где я мог брать книги философских классиков. К тому же я выписывал журнал «Вопросы философии», систематически читал «Журнал высшей нервной деятельности». Ещё со времени преподавания психологии в школе у меня сложился главный мой научный интерес к проблеме духовного и телесного, и в силу этого — к психофизиологической проблеме. Я собирал и стремился осмыслить материал по этой тематике, готовился к работе над кандидатской диссертацией в таком направлении. Долго не мог определиться с формулировкой темы.

И здесь я могу ответить на ваш вопрос о моих учителях. У меня не было не только учителя, но даже тех, с кем можно посоветоваться по интересующим меня вопросам.

В 1954 г. я решил поступать в аспирантуру Института философии АН СССР. Весь год тщательно готовился. Друзья говорили мне, что я наивный юноша. Но я верил, что Москва не Киёв, там больше справедливости. И вот первый экзамен — диалектический материализм. Его принимал Дмитрий Павлович Горский — тогда молодой преуспевающий доцент (через 20 лет, когда он был членом редколлегии журнала «Философские науки», а я заведовал отделом диалектического материализма, логики и философских вопросов науки, мы с ним стали приятелями; но я не напоминал ему о том, что он был моим экзаменатором, а он, конечно, меня не помнил). Дмитрий Павлович задавал много вопросов, в том числе довольно каверзных, пытаюсь снизить качество моих ответов. Я видел, что ему неловко, тяжело со своей совестью и понял, что у него есть инструкции. Вздохнув, он поставил мне четверку. На экзамене по историческому материализму меня слушали три минуты, сказали: «Хватит», и поставили тройку. Так были разрушены мои иллюзии. Я твёрдо осознал, что могу надеяться только на себя.

В 1957 г. во всех высших учебных заведениях ввели преподавание философии. В Донецке я оставался единственным дипломированным специалистом по философии, а в нем был университет и три института. Преподаванием философии занялись лица, не имеющие к ней никакого отношения, в большинстве своём те, кто работал на кафедре истории КПСС. После всевозможных перипетий меня все же взяли преподавателем философии в Донецкий медицинский институт. Так я, наконец, стал работать по специальности, что сильно подняло мой дух.

О формальном рейтинге и простом везении в философии

Ю.М.: Давид Израилевич! Вас знают многие исследователи, работающие в гуманитарных науках. Вас цитируют, на Вас ссылаются в философских публикациях. У Вас достаточно высокий научный рейтинг в нашем институте, который держится на протяжении многих лет. На сегодняшний день по данным РИНЦ у Вас свыше 3 тыс. цитирований Ваших же работ и один из самых высоких коэффициентов Хирша (22). Как Вы относитесь к этим формальным показателям? Считаете ли Вы их объективными? Насколько реально они соответствуют Вашему личному вкладу в российскую философию? Или здесь существуют некоторые скрытые, в т.ч. формально-бюрократические тенденции, о которых мы не всё знаем?

Д.И.: На ваш вопрос о том, как я отношусь к коэффициентам Хирша и прочим формальным оценкам, в т.ч. к числу публикаций за год, по которым начисляются баллы и повышается зарплата, то могу прямо сказать, что отношусь к этому скептически. Даю честное слово, что только от Вас узнал, какой у меня коэффициент Хирша и что он «один из самых высоких». Никогда этим не интересовался. Впрочем, лет семь-восемь тому назад кто-то в секторе сказал, какой у меня коэффициент, но я не обратил на это особого внимания и забыл. Ведь всем ясно, что в философии важно не количество, а качество. Есть очень «пишущие» лица, они первенствуют по баллам. Но не столь уж редко их продукция компилятивна, не содержит серьезной самостоятельной разработки какой-либо актуальной проблемы. Книги тоже часто не читают, а считают, определяя вклад автора в философию.

Принятые формальные оценки нашего труда и формы отчетности не способны стимулировать творческую деятельность, а, скорее, глушат ее. К сожалению, формально-бюрократические тенденции в организации научной деятельности и «управления» ею нарастают. Как бороться с этим? Обсуждение подобных вопросов увело бы нас слишком далеко. Но бороться нужно!

Ю.М.: *Давид Израилевич! У каждого из нас бывают свои взлеты и падения, везения и невезения. Насколько Вам повезло в жизни? Кому и чему Вы обязаны своим профессиональным ростом? Ведь Вы достигли многого в профессиональной карьере философа. Вы — известный исследователь и признанный лидер философского сообщества. Как говорили в советские времена, Вы пользуетесь заслуженным авторитетом. Какой день или момент времени Вы считаете судьбоносным в своей жизни?*

Д.И.: Мне очень повезло в жизни. На моем пути постоянно встречались хорошие, добрые, замечательные люди. Им я обязан тем, что остался жив во время войны, они поддерживали, бескорыстно помогали мне в трудные периоды жизни, подкрепляли жизненную энергию и веру в будущее. Приведу лишь один пример. К началу 1960 г. я завершил работу над кандидатской диссертацией. Как уже говорил вам, тему я придумал сам и все сделал без руководителя и каких-либо консультаций. Называлась она «Об аналитико-синтетическом характере отражательной деятельности мозга». В ней я попытался выяснить соотношение категорий анализа и синтеза в философии, логике, психологии и в физиологии (в Павловском учении о высшей нервной деятельности, где они широко использовались).

Диссертация обсуждалась на философском факультете Киевского университета, потом на кафедре философии Киевского пединститута, потом на кафедре философии Института повышения квалификации преподавателей. Везде одно и то же: диссертация не философская. Я опускаю подробности двухлетнего хождения по мукам. В результате — полный тупик. Когда я приехал последний раз в Киев, чтобы забрать диссертацию, один мой знакомый сказал: «А ты пойдешь к физиологам, может, они возьмут на защиту». Я сомневался, но это был последний шанс, и я пошел в Институт высшей нервной деятельности Украинской академии наук. Дело было летом, в Институте тихо и безлюдно. К кому обратиться? Иду по коридору, вижу на двери: «Академик Макаренко Александр Фёдорович, директор Института, Вице-Президент Украинской Академии наук». Потоптался немного. Ну, думаю, что будет — то будет, терять нечего. Захожу. Большая комната секретаря, никого нет. Дальше дверь, оббитая чёрным дерматином, не постучишь. С замирающим сердцем открываю наполовину дверь, вижу, сидит не за столом, а рядом, в кресле, неряшливо одетый человек с грубым крестьянским лицом, читает газету. Глянул на меня: «Ну, чего тебе? Заходи». Сбивчиво объясняю, что написал диссертацию, все ее отклоняют, говорят, что это не философия, а философские вопросы физиологии. Он спрашивает: «А реферат у тебя есть?». Я протягиваю реферат. Он садится за стол и минут десять, если не больше, читает, листает, потом нажимает кнопку звонка и снова читает. Минуты через три заходит по вызову человек лет под сорок, интеллигентного вида, хорошо одетый, при галстуке. «Коля, — говорит ему Макаренко, протягивая реферат, — на, почитай, вроде бы интересно». Это был Николай Горбач, старший научный сотрудник Института. Мы вышли с ним, он поговорил со мной, дал свой телефон и сказал, чтобы я ему утром позвонил.

Реферат ему очень понравился, он просил прийти в Институт к двум часам дня в кабинет Макаренко. Я недолго ждал в комнате секретаря. Из кабинета директора

вышел Николай Горбач и пригласил войти. Макарченко сразу спрашивает: «А в университете ты был?». Отвечаю: «Был». Тогда он снимает трубку и грубовато говорит: «Здоров! Что это ты маринуешь хорошие диссертации на своём философском факультете. Разберись там! Его фамилия Дубровский». И ещё изрёк пару каких-то слов. А мне сказал: «Иди в университет». Я горячо поблагодарил его и вышел. Следом вышел и Николай Горбач. Он объяснил мне, что Александр Фёдорович звонил самому ректору Киевского университета. Чудеса! В общем, дело сразу завертелось. Через два месяца я защитил диссертацию. Николай Горбач стал одним из оппонентов. Мы с ним подружились и многие годы поддерживали тесные связи. Вот так, благодаря хорошим людям, может неожиданно решиться важное дело жизни.

Что касается вопроса о том, какой день я считаю «судьбоносным в своей жизни», то на него трудно ответить. Их, наверное, было много: встреча с моей первой женой, замечательным человеком Евгенией Петровной Ковалевой (она умерла в 2000 г.), рождение дочери Ирины, переезд в Москву и приём на работу в журнал «Философские науки» и на должность профессора философского факультета МГУ в 1970 г. Женитьба на Ольге Васильевне Дашкевич в 2004 г. и рождение сына Саши в июне 2005 г., что подарило мне вторую жизнь.

Если иметь в виду мои профессиональные дела, то я бы хотел отметить один день в марте 1957 г., когда я получил сообщение, что моя статья «К вопросу об определении категории случайности» принята для публикации в журнале «Вопросы философии» (опубликована в № 3 за 1957 г.). Ведь я посылал ее, как и другие статьи, в разные места и мне даже не отвечали. И вот я, будучи в плохом настроении, набрался наглости и послал ее в «Вопросы философии», который выходил тогда только шесть раз в год. Послал и вскоре забыл, так как не мог и подумать, что там могут напечатать какого-то преподавателя слесарного дела из Донецка. И вот я получаю такое письмо. А в нем ещё сказано: «Сообщите, над чем вы работаете, что ещё вы бы могли предложить нашему журналу. С уважением, зав. отделом Г. Гургенидзе».

Нетрудно понять, что значило для меня в моем философском одиночестве это письмо. С тех пор прошло более шестидесяти (!) лет, но я и сегодня столь же остро переживаю тот момент, когда увидел в почтовом ящике письмо со штампом журнала «Вопросы философии». После переезда в Москву Геннадий Гургенидзе стал моим самым близким другом (я писал об этом подробно в своих «Воспоминаниях»).

1957 г. вообще был для меня счастливым годом: меня взяли в медицинский институт преподавать философию, я получил комнату (10 квадратных метров) в коммуналке (какая радость иметь собственное жильё после 5 лет скитаний по съемным углам и комнатам с шумными, неопрятными соседями!). Но, главное, я встретил и полюбил Женю Ковалёву, ставшую в скором времени моей женой.

В жизни у меня было ещё много счастливых случаев.

О репутации и «главном деле» в философии

Ю.М.: Давид Израилевич! Вас знают как известного философа, опытного руководителя научными и издательскими проектами. Вы умеете выстраивать отношения с разными людьми, причём не только с начальством, но и с иностранными коллегами и рядовыми научными сотрудниками. С Вами можно не соглашаться, спорить, но нельзя не признать последовательность Вашей позиции. За время работы в институте я ни разу не слышал о Вас плохого слова.

Из чего же складывается сегодня профессиональная репутация профессора Д.И. Дубровского? Ведь научные труды, доклады, встречи с влиятельными людьми в академическом сообществе — это только часть Вашего образа. Чем вообще карьера философа привлекательна для молодых людей? Поделитесь, пожалуйста, своим опытом. Может быть, кто-то из молодых людей, услышав Ваш ответ, захочет избрать карьеру философа.

Д.И.: Насчёт умения выстраивать отношения с различными людьми все просто. Зная о сложности, противоречивости человеческой природы, я всегда ориентируюсь на хорошие качества личности, держу их в своём сознании на первом плане. Этому научил меня жизненный опыт. И философский опыт тоже. Поэтому если человек ко мне относится не лучшим образом и мне тоже многое в нем не нравится, но приходится с ним сотрудничать, то я стараюсь не обращать на все это внимания и заниматься спокойно делом.

Ведь в каждом человеке намешано всякое. И сам я далеко не ангел. Поскольку я зачастую снисходительно отношусь к своим негативным качествам и слабостям, то я должен поступать также и в отношении к другим. Правда, есть такие люди, общения с которыми я избегаю. С некоторыми из них я раньше общался, но после того, как они совершили определенные проступки, стараюсь их не замечать.

Из чего складывается профессиональная репутация? Из многих факторов. Это, прежде всего, многолетняя систематическая и продуктивная работа над актуальными проблемами. Это — основательность публикаций автора, в которых четко заявлена его самостоятельная позиция, приведена профессиональная аргументация. В представлении о репутации тесно переплетаются профессиональные и этические оценки. Они часто зависят также от официальных санкций (званий, занимаемой должности, наград и т.п.), от мнения начальства, от принадлежности к некоторой «авторитетной» группе. Впрочем, несмотря на все эти сложности, если мы давно работаем в одном учреждении и давно знаем нашего коллегу, то о нем все же складывается определенное общее представление, разделяемое многими и весьма близкое к реальности.

Ю.М.: *Спасибо за исчерпывающий ответ. Давид Израилевич! Вы являетесь известным специалистом в самых разных областях философии — теории познания, философии сознания, философии человека, философии и истории науки и пр. Моё заочное знакомство с Вами началось еще в середине 1980-х гг. с прочтения книги «Проблема идеального» (М., 1983). Последние годы Вы занимаетесь проблемами сознания и мозга, субъективной реальности и когнитивных наук, природы человека и интересубъективности. Но Вам не чужды также проблемы культуры и культурной идентичности, и многое другое. А что является для Вас главным «делом жизни» в философии? Чем же Вы увлечены сегодня? Что Вы больше всего цените в собственном философском творчестве?*

Д.И.: Вы спрашиваете: в чем мое «главное дело жизни в философии»? Что я больше всего ценю в собственном философском творчестве?

Ответы на эти вопросы затруднительны, ибо они предполагают оценку результатов собственной деятельности, а делать это самому вряд ли допустимо. Но поскольку я вступил в десятый десяток лет своей жизни, и речь идёт о подведении её итогов, то, наверное, у меня есть такое право.

Главный мой научный интерес, как я уже говорил, определился в самом начале моей философской деятельности — соотношение духовного и телесного, проблема «Сознание и мозг». Работая с 1957 г. на кафедре философии Донецкого медицинско-

го института, я настойчиво изучал нейрофизиологию и медицину. По заданию парткома Института я 11 лет руководил философским семинаром профессоров-клиницистов под названием «Методологические вопросы медицинской диагностики». Тему эту я предложил сам. Участниками семинара были крупные специалисты — терапевты, хирурги и один психиатр. Я прошёл у них замечательную школу.

Ещё в начале 1960-х гг. у меня сложилась в главных чертах концепция решения проблемы «Сознание и мозг». Я опубликовал ряд статей по этой проблеме, в т.ч. три в журнале «Вопросы философии», а к началу 1967 г. завершил работу над докторской диссертацией по указанной теме. Ее защита оказалось делом долгим и трудным. После многих дискуссий и проволок диссертацию, наконец-то, приняли к защите в Ростовском университете. Но за два месяца до защиты в журнале «Вопросы философии» (1968. № 8) вышла моя статья «Мозг и психика», посвящённая критике позиции Ф. Михайлова и Э. Ильенкова, которая положила начало известной дискуссии между мной и Э.В. Ильенковым. В Ростове было много его горячих сторонников, среди них и ректор университета, знаменитый Ю. Жданов.

В итоге, мне пришлось защищать докторскую диссертацию трижды, а четвёртый раз ещё в ВАКе. Но утвердили меня в докторской степени довольно быстро, уже в мае 1969 г. (весьма пикантные подробности этой защиты описаны мной в «Воспоминаниях»). В 1971 г. диссертация была издана в виде монографии, в которой моя концепция получила существенное развитие. Монография «Психические явления и мозг: философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными вопросами нейрофизиологии, психологии и кибернетики» вышла в 1971 г. в издательстве «Наука» по рекомендации Научного Совета по кибернетике при Президиуме академии наук [1]. Его председателем являлся академик Аксель Иванович Берг, которому я лично многим обязан. Книга вышла с грифом двух секций Совета «Биологическая и медицинская кибернетика» (руководитель академик В.В. Парин) и «Философские вопросы кибернетики» (руководитель проф. Б.В. Бирюков). Хочу отметить, что с ними я активно сотрудничал, и они оказывали мне большую поддержку.

Суть моей концепции состояла в теоретическом объяснении на основе информационного подхода связи явлений субъективной реальности с мозговыми процессами — ключевого вопроса проблемы «Сознание и мозг». От его решения зависит объяснение способности явлений субъективной реальности служить причиной телесных изменений и объяснение совместимости феномена свободы воли с детерминизмом мозговых процессов, а также ряда других существенных вопросов. На этой основе мною ставились и разрабатывались методологические вопросы расшифровки мозговых нейродинамических кодов явлений субъективной реальности. Эта задача после расшифровки генетического кода приобрела такое же стратегическое значение. Она в течение многих лет составляла предмет моих исследований.

Здесь надо сказать, что с начала 1960-х гг., после возникновения так называемого постпозитивистского движения, в центре внимания аналитической философии встала и до сих пор остаётся проблема «Сознание и мозг» (Mind-Brain Problem). Ей посвящена поистине необъятная литература. Я её добросовестно изучал под критическим углом зрения и опубликовал по этому поводу ряд статей.

В 1980 г. вышла моя вторая книга «Информация, сознание, мозг», в которой были обобщены результаты моих исследований за период после защиты докторской диссертации [2]. Первая ее часть была посвящена систематизированному критическому

рассмотрению начального этапа разработки проблемы «Сознание и мозг» в аналитической философии. Это новое направление именовалось «Научным материализмом» и ставило её широко — как соотношение ментального и физического. При этом основные вопросы решались преимущественно с позиций редукционизма, обоснования «теории тождества ментального и физического». Мною были подвергнуты критическому анализу различные направления в рамках «Научного материализма» (концепции Фейгла, Смарта, Д. Армстронга, Кима, Рорти, Фейерабенда и др.). Были отмечены положительные стороны тех концепций, авторы которых (Фодор, Патнэм, Т. Нагель, Марголис и др.) выступали против физикалистского редукционизма с позиций функционализма и эмерджентистского материализма.

Во второй части книги подробно обсуждались теоретические вопросы использования категории информации в научных исследованиях, различные аспекты информационного процесса, принцип инвариантности информации по отношению к её физическому носителю. Особое внимание уделялось анализу понятия «кодовой зависимости» и методологическим вопросам расшифровки кодов, как особой познавательной задачи, с целью объяснения характера связи явлений субъективной реальности с их мозговыми нейродинамическими носителями и перспектив расшифровки их мозговых кодов. Все это послужило дальнейшему существенному развитию моей концепции. В последующие годы я продолжал постоянно заниматься этой проблематикой, что находило отражение во многих статьях, опубликованных в журналах и сборниках.

В 2015 г. вышла моя книга «Проблема “Сознание и мозг: Теоретическое решение”», в которой моя теория получила наиболее развитое, систематизированное и четкое изложение [7]. Все её положения представлены по пунктам, что удобно для критики. По этой книге читатель может получить полное представление о результатах моей многолетней работы и критически судить о том, насколько они обоснованы.

В последние годы и по сей день я продолжаю заниматься этой проблемой, опубликовал ряд статей, выступал с докладами на конференциях и семинарах, проводимых Институтом нейронауки в МГУ под руководством К.В. Анохина, с которым многие годы сотрудничаю. Хочу отметить статью «Проблема свободы воли и современная нейронаука», опубликованную в «Журнале высшей нервной деятельности», переведённую на английский и вызвавшую, к моему удивлению, довольно широкий резонанс в западной нейронаучной литературе; я даже получил предложение от одного журнала войти в состав редколлегии и от трёх международных журналов написать для них статью. Одну статью я написал, и её опубликовали (см. прим. 1).

Понятно, что проблема «Сознание и мозг» предполагает основательное осмысление проблемы сознания, как широкой, многоплановой проблемы, для которой вопрос связи с мозгом является лишь одним из её аспектов. Но изучение сознания в любом аспекте требует учета того, что оно обладает специфическим и неотъемлемым качеством субъективной реальности, которое представляет наиболее трудный пункт проблемы сознания.

Хочу подчеркнуть, что разработка проблемы сознания, взятой в целом, и, прежде всего, концепции субъективной реальности, являлась в такой же мере главным делом моей жизни, как и разработка проблемы «Сознание и мозг». Исследование сознания и самого качества субъективной реальности ставит специфические философские вопросы, многие из которых являются весьма острыми. Это ярко прояви-

лось в нашей с Э.В. Ильенковым дискуссии по проблеме идеального, которая послужила для меня одним из стимулов многолетних и многоплановых исследований проблемы сознания и разработки концепции субъективной реальности.

Вы говорили, что читали мою книгу «Проблема идеального», вышедшую в 1983 г. и дополненную в 2002 г. [4]. Это была, кстати, первая в нашей философской литературе книга по проблеме идеального, монографическое исследование всех её основных аспектов. Помимо систематического рассмотрения концепций идеального в советской философской литературе и их оценки, в книге содержался подробный анализ категорий сознания, психического, субъективной реальности, отражения, информации, их соотношения с понятиями идеального, идеи, идеализации, идеала.

Отдельная глава была посвящена рассмотрению структуры субъективной реальности, её ценностно-смысловых и деятельно-волевых аспектов. При этом в центре внимания стоял принципиальный вопрос о связи индивидуального и общественного сознания, подробно исследовалась проблематика индивидуального сознания и её философское значение. Была показана несостоятельность трактовки идеального у Э.В. Ильенкова как сугубо объективного фактора, в виде опредмеченных «норм и форм культуры», независимых от индивидуального сознания. Ведь без распредмечивания этих «норм и форм культуры» (т.е. объективированного содержания общественного сознания), без их воплощения в сознании множества индивидов они теряют социальный смысл и действенность. А процесс распредмечивания означает, что содержание «норм и форм культуры» становится достоянием индивидуального сознания, существует теперь в форме субъективной реальности множества социальных индивидов и только в такой форме определяется социальная значимость и активность «норм и форм культуры». Я не говорю уже о том, что их содержание по-разному усваивается и интерпретируется реальными личностями. И нельзя забывать, что это содержание, в конечном итоге, создаётся, формируется, развивается реальными людьми, что оно первично возникает в индивидуальном сознании, часто имеет хорошо известных нам авторов (возьмём хотя бы марксистскую идеологию).

Для концепции идеального Э.В. Ильенкова характерен разрыв между общественным и индивидуальным сознанием. Он и его сторонники прямо заявляли и «обосновывали», что проблематика индивидуального сознания — полностью дело психологии, что предметом философии является только общественное сознание. И такую позицию тогда разделяло немало число советских философов. Моя книга «Проблема идеального» представляла многоплановое развитие концепции субъективной реальности и служила делу реабилитации проблемы индивидуального сознания как актуальной философской проблемы, не отрицая, разумеется, роли психологии в её разработке [4].

Хотелось бы сказать ещё немного о дискуссии с Э.В. Ильенковым. Недавно я прочел про себя статью в Википедии (не знаю, кто её писал), где кратко приведена моя биография и есть целый раздел об этой дискуссии. В ней главным судьей дискуссии выступает Дэвид Бэххэрст, давний друг Ильенкова и его горячий поклонник, написавший по поводу его концепции ряд в высшей степени хвалебных статей. Дискуссия, её общая оценка и моя позиция представлены пятью цитатами из книги Бэххерста. Автор явно искажает содержание дискуссии и мою позицию, приписывая мне заведомо несостоятельные положения (см. прим. 2).

В нашей с Ильенковым дискуссии участвовало довольно большое число философов. В журнале «Вопросы философии» ей было посвящено более десятка статей, и надо сказать, что подавляющее большинство их авторов поддерживало мою позицию. Ильенкова активно поддерживали такие ведущие в то время психологи, как А.Н. Леонтьев, В.В. Давыдов, известный генетик, академик Н.П. Дубинин и немалое число философов, среди которых выделялись представители партийного официоза, такие, например, как главный редактор журнала «Коммунист» Р.И. Косолапов, его заместитель Л.К. Науменко и др. (напомню молодым философам, что этот журнал был органом ЦК КПСС, и то, что в нем утверждалось или отрицалось, полагалось тогда непререкаемой истиной).

И здесь надо остановиться на знаменитом Загорском эксперименте (проводимого под руководством Ильенкова), результаты которого нам представляли чуть ли не решающим доказательством концепции Ильенкова и в истолковании им категории идеального и в обосновании процесса формирования личности (в котором категорически отрицалась какая-либо роль генетических факторов). Суть этого эксперимента заключалось в том, что четверо тотально слепых и глухих от рождения молодых людей, не обладавших вначале даже элементарной психикой, благодаря методам марксистской теории личности, смогли окончить психологический факультет МГУ. Об этих результатах, как выдающемся достижении марксистской теории личности и советской науки, трубила вся пресса, вещало радио и телевидение, обеспечивая идеологическую поддержку.

В журнале «Коммунист» вышла статья Э.В. Ильенкова «Становление личности: к итогам научного эксперимента» (см. прим. 3). В ней он настоятельно подчеркивал, что все четверо были полностью слепыми и глухими от рождения, что в руки воспитателя попало существо, — далее я цитирую его слова, — «не обнаруживающее признаков человеческой психики — ни речи, ни мышления, ни сознания, ни даже примитивных проявлений человеческой деятельности... Исходное условие жесткое: психики нет вообще, и сама она не возникает. Ее надо сделать, сформировать, воспитать» [см. прим. 4]. И под руководством Ильенкова она была сделана и воспитана! Это было, как нас заверяли, рукотворение психики «с нуля» (по выражению А.Н. Леонтьева).

Вначале я старался верить в столь замечательную гуманистическую акцию, хотя и были серьезные сомнения. Но затем узнал действительные факты. Их мне открыла и помогла документально установить специалист из Института дефектологии — преподавательница и воспитательница этих четверых выпускников МГУ. Оказалось, что все четверо утратили зрение и слух в довольно позднем детском возрасте, в 7, 9 и 11 лет. У них уже были сформированы речь, образы внешнего мира, основные социальные навыки. Более того, у двух из них сохранились остатки слуха, а у двух других остатки зрения (Суворов и Лернер, например, сами передвигались по Москве, пользуясь общественным транспортом). Все это резко меняло официальное истолкование Загорского эксперимента.

Я был тогда профессором философского факультета МГУ, читал лекции в Институте усовершенствования преподавателей философии, в других местах, и когда мне задавали вопросы на эту тему (а она была у всех на слуху), я прямо говорил о фальсификации, подтверждая это документально. Прошёл примерно месяц и меня вызвали в партком МГУ и предъявили анонимное письмо. В нем меня обвиняли в

том, что я «обливаю грязью выдающееся достижение советской науки» и во всех смертных грехах, начиная с ревизии положений марксизма-ленинизма. Это письмо переслали в партком из редакции журнала «Коммунист».

Я отказался отвечать на анонимку, но, может быть, слишком эмоционально заявил и затем кратко написал, что считаю своим долгом разоблачать фальсификацию и буду делать это всюду, где представится такая возможность. Погорячился, конечно, не сдержал эмоции, надо было спокойнее — партийные органы не потерпят такой формы общения с ними. И, действительно, месяца через полтора в журнале «Коммунист» вышла статья, в которой меня разделали по полной программе. Там были обвинения в том, что я «игнорирую азбучные истины исторического материализма» и «в своих софистических рассуждениях» о возможности расшифровки мозговых кодов психических явлений заявляю «претензию на рекомендации с совершенно чуждых нам научных и идеологических позиций». И, наконец, завершающий аккорд: «Тут налицо открытая ревизия марксистско-ленинского понимания сознания». Как потом выяснилось, все это было написано в редакции журнала «Коммунист», как говорили, близким другом Ильенкова Л.К. Науменко, и вставлено в статью академика Дубинина, который не возражал, так как, ссылаясь на Ильенкова, громил своих коллег, выдающихся генетиков — академика Б.Л. Астаурова и профессора В.П. Эфроимсона за «биологизацию социальных явлений» (см. прим. 5).

Люди старшего поколения хорошо знали, что означают такие аттестации в журнале «Коммунист». Меня не выгнали из МГУ и из журнала «Философские науки», где я заведовал отделом, только благодаря энергичному заступничеству главного редактора журнала Владимира Спиридоновича Гота, у которого были большие связи в самых высших сферах ЦК КПСС. Однако поставленное на мне «Коммунистом» клеймо «ревизионизма» и, значит, «неблагонадежности» ещё долго давало знать о себе в моих социальных и философских коммуникациях. Мне, например, нанесли сильный удар, не выпустив в Венгрию по приглашению Президента венгерской академии наук, выдающегося нейрофизиолога Я. Сентаготаи, который разделяя мой информационный подход к проблеме «Сознание и мозг», организовал специально его обсуждение с приглашением своих коллег и друзей — крупнейших мировых ученых в этой области, в числе которых был Лауреат Нобелевской премии Р. Сперри. Трижды в международном отделе МГУ и Министерства мне назначали срок отъезда и затем под разными предлогами отказывали, трижды Сентаготаи переносил дату обсуждения и, наконец, понял, в чем дело. Впрочем, я сам нашёл способ все ему объяснить, хотя и с опозданием.

Это был позорный факт. Ведь Президент Венгерской академии наук дважды писал в ректорат МГУ с просьбой направить меня на организованный им лично симпозиум для обсуждения моей концепции. Но соответствующие органы все это без объяснений игнорировали. Я сильно переживал: и не только из-за упущенной возможности общения и установления прямых контактов с выдающимися учеными, но и от чувства вины перед Сентаготаи, от той общей ситуации несправедливости, обмана и унижения, в которую был поставлен (далеко не в первый раз!).

В новые времена, когда уже можно было критиковать идеологизированные концепции, я организовал научную конференцию на тему «Слепоглухонемота: исторические и методологические аспекты, мифы и реальность». Под тем же названием был издан сборник её материалов в 1989 г., который переиздан в 2018 г. [10]. На ней выс-

тупали все ведущие специалисты по дефектологии и тифлосурдопедагогике во главе с директором Института дефектологии В.И. Лубовским — директор Института общей психологии и педагогики А.М. Матюшкин, главный редактор «Психологического журнала» А.В. Брушлинский (ставший вскоре директором Института психологии РАН), ведущий психолог того времени М.Г. Ярошевский, ряд крупных философов (Г.С. Батищев, И.С. Нарский и др.). Выступали и сторонники Ильенкова (С.Н. Мареев, Л.Ф. Обухова и др.). Авторами основного доклада были один из слепоглухих, заведующий сектором социальной реабилитации слепоглухих Всесоюзного общества слепых С.А. Сироткин, а также кандидат философских наук Э.К. Шакенова — крупный специалист по проблематике слепоглухих. На этой конференции помимо обсуждения исторических, философских и методологических вопросов были со всеми подробностями жестко разоблачены и осуждены фальсификации Ильенкова. В докладе и в ответах на вопросы Сироткин подробно излагает факты столкновений, размолвок слепоглухих с Ильенковым, вызванных его фальсификациями условий Загорского эксперимента: «У нас с Эвальдом Васильевичем был тяжелый конфликт — говорит Сироткин, — и это свидетельствует о том, что он сознательно скрывал определенные факты во имя чистоты концепции и Эксперимента» [10, 26]. «Недаром его обвинения в наш адрес носили идеологический, политический характер» [10, 28]. По словам Сироткина, у Ильенкова и его сторонников в «концепции изначального формирования психики при слепоглухонемоте демиургом становится педагог. Таким образом, слепоглухонемой предстаёт «*tabula rasa*», на которой пишет всеильная рука педагога» [10, 93]. «Использование диалектического метода велось в отрыве от конкретного материала, от анализа конкретных фактов. Именно поэтому интерпретация концепции Э.В. Ильенковым и стала основой безудержной апологетики и дезинформации в центральной прессе» [10, 28]. Все эти факты не должны затушевываться и предаваться забвению.

В последние годы участились публикации о нашей дискуссии и Загорском эксперименте. Несмотря на неопровержимые доказательства намеренных фальсификаций Загорского эксперимента, сторонники Ильенкова, как ни в чем ни бывало, с энтузиазмом повторяют, что этот эксперимент имел огромное научное и даже мировое значение, служил доказательством истинности концепций Ильенкова об идеальном и о формировании личности. Достаточно познакомиться с материалами «Ильенковских чтений», чтобы увидеть это. В одном из последних изданий (см. прим. 6) около 20 авторов превозносят «победу» Ильенкова в дискуссии со мной. А мою концепцию характеризуют как «биологизм», «вульгарный материализм», «субъективизм», как «новую историческую форму философской софистики», как пример «современной криптопозитивистской софистической гносеологии» (см. прим. 7).

Поддерживая такие оценки, В.А. Рыбин заявляет: «Дубровский эксплицирует те установки биологического редукционизма, которых он придерживался и прежде, и которые на тот момент, почти 50 лет назад, казалось, окончательно были опрокинуты Ильенковым в их споре о соотношениями биологического и социального в человеке, особенно имея в виду результаты Загорского эксперимента» (см. прим. 8). Обратите внимание, автор не знает о фальсификации этих результатов, а, может быть, и скрывает своё знание об этом; для него Загорский эксперимент — главный аргумент против концепции Дубровского. То же самое мы видим у всех других авторов. Они подчеркивают наличие тотальной слепоты от рождения четверых выпускников МГУ, полное

отсутствие у них психики. Как пишет М.С. Готовкина: «Э.В. Ильенков называет поступающих в Загорский интернат слепоглухонемых детей “человекообразными растениями, лишенными психики”»; именно из этого состояния они и были выведены на вершины культуры (см. прим. 9). Что это? Своего рода феномен слепоты и глухоты по отношению к фактам, вопиюще противоречащим позиции автора, невежество или сознательное нарушение элементарных этических норм научной деятельности.

Хочу заметить, что в последние годы в журнале «Вопросы философии» и других центральных изданиях был опубликован ряд статей, в которых, мягко выражаясь, содержатся не вполне адекватные оценки концепции Ильенкова, особенно в той части, где речь идёт о Загорском эксперименте (см. прим. 10).

Все это, вместе взятое, создало потребность переиздания указанной выше книги о фальсификациях в Загорском эксперименте, что и было сделано мной совместно с рядом коллег, в числе которых автор основного доклада на конференции С.А. Сироткин (см. прим. 11). Предисловие ко второму изданию написано мной. В нем более конкретно излагаются события и факты, относящиеся к данной теме.

После выхода моей книги «Проблема идеального» я многие годы занимался развитием концепции субъективной реальности и разработкой проблематики индивидуального сознания, что нашло отражение во втором издании этой книги (см. прим. 12). В 2009 г. под моей редакцией и с моим участием вышла коллективная монография «Проблема сознания в философии и науке» [9]. Недавно в новой «Философской энциклопедии» опубликована большая статья «Субъективная реальность», в которой обобщены результаты моих исследований в этой области.

В контексте проблемы индивидуального сознания у меня вызывали большой интерес феномены обмана и самообмана, их роль в межличностных и социальных коммуникациях. Результаты проведенных исследований были представлены в моей книге «Обман: философско-психологический анализ» [3]. Вызывало удивление, что столь актуальная тема, охватывающая острые эпистемологические, этические, экзистенциальные и социальные вопросы, находилась вне поля внимания советских философов. Это была первая книга в нашей философской литературе, специально посвящённая анализу феноменов обмана и самообмана под углом задач исследования не только индивидуального, но и общественного сознания. В 2010 г. вышло второе, дополненное издание этой книги [6].

Надо с удовлетворением отметить, что лет десять тому назад в секторе этики нашего Института состоялась в высшей степени содержательная дискуссия о правомерности добродетельного обмана на основе рассмотрения эссе Канта «О праве лгать из человеколюбия». Главным ее организатором был Р.Г. Апресян, что являлось его бесспорной заслугой. Одни участники, в их числе Р.Г. Апресян и я, подвергали резкой критике абсолютистскую позицию Канта, категорически отрицавшую этическую правомерность любого проявления обмана, другие, среди них А.А. Гусейнов, считали, что Кант прав. По итогам дискуссии была издана книга под редакцией Р.Г. Апресяна, которую можно считать значительным вкладом в разработку проблемы обмана (см. прим. 13). Однако после этого тема обмана заметно не фигурировала в нашей философской литературе. Она широко и многопланово обсуждалась в западной философии, представлена там обширной библиографией.

К вопросам обмана и самообмана я по-прежнему сохраняю большой интерес. Они занимают важное место в лекциях, которые я вот уже несколько лет читаю на

философском факультете МГУ, обсуждаются в моих статьях последнего времени. В нашем секторе в Институте у меня появился соискатель, который пишет диссертацию на тему «Самообман и самопознание: эпистемологический анализ». И есть докторант, рассматривающий с философских позиций трактовку обмана и самообмана в психоанализе. Но я, к сожалению, не вижу, чтобы кто-либо из моих маститых коллег поднимал эту тему, содействовал её разработке.

И здесь надо напомнить, что я сотрудник сектора теории познания нашего Института и моими официальными обязанностями является исследование эпистемологических вопросов. У меня есть публикации, специально посвященные теме «Эпистемология субъективной реальности» (см. прим. 14). Но проблематика эпистемологии разрабатывалась мной в разных планах. В Институте я 32 года, и все это время, и почти три десятилетия до поступления в Институт, я занимался различными эпистемологическими проблемами, учитывая их существенную связь с другими типами философских проблем. Еще в одной статье (см. прим. 15) я анализировал структуру философского знания, выделяя четыре его основные категориальные измерения: *онтологическое*, *гносеологическое* (эпистемологическое), *аксиологическое* (ценностное) и *праксеологическое* (выражающее свойства активности: интенциональность, целеполагание, воля, вера). Эти категориальные измерения задают основные типы философских проблем. Наряду с ними существует еще один чрезвычайно актуальный тип проблем. Это экзистенциальные проблемы – о смысле существования и деятельности личности и социума, – в которых как бы интегрируются все четыре названные категориальные измерения.

Эти категориальные измерения являются фундаментальными, так как нередуцируемы друг к другу. Но вместе с тем они *взаимополагаемы*, *взаиморефлексируемы*. Это означает, что всякое эпистемологическое положение (концептуальное построение) имеет онтологические предпосылки (часто неявные) и во многих случаях требующие выявления и специального анализа. Как и наоборот, всякое онтологическое утверждение (концептуальное построение) требует эпистемологической рефлексии, т.е. анализа тех познавательных средств, в которых оно выражено; это во многих случаях составляет важное условие их обоснования. Вместе с тем, оба типа положений (концепций) нередко требуют аксиологической и праксеологической рефлексии. В свою очередь, утверждения (концепции) аксиологического и праксеологического типа во многих случаях настоятельно требуют эпистемологической и онтологической рефлексии. Учет указанной взаимополагаемости и взаимной рефлексии – существенное условие основательности философских концепций.

Можно привести яркие исторические примеры, когда абсолютизация одного измерения и редукция других приводила в итоге к несостоятельности распространенных философских концепций. Как известно, логический позитивизм абсолютизировал эпистемологический подход и категорически отрицал онтологическую проблематику, что привело к распаду этого направления и возникновению на его месте так называемого постпозитивистского движения, которое реабилитировало онтологическую и метафизическую проблематику. Можно указать на ряд известных философских концепций, которые, наоборот, развивали свои построения в сугубо онтологическом ключе, вынося за скобки эпистемологический анализ своих основных положений, в силу чего обнаруживалась их уязвимые места.

Эти вопросы, на мой взгляд, недостаточно осмыслены в нашей философской литературе. В этике, например, справедливо доминирует аксиологическое измере-

ние, дополняемое праксеологическим, нередко применяется эпистемологический анализ, но весьма слабо используется онтологический подход. Однако принципиальный вопрос о *реальности*, способе существования нравственных свойств (честности, мужества, доброты и т.п., как и свойств с отрицательным знаком) специально не анализируется, считается как бы ясным. Этот недостаток, кстати, проявился в упоминавшейся мной дискуссии о добродетельном обмане.

В ряде моих разработок эпистемологических вопросов я старался применять онтологическую, аксиологическую и праксеологическую рефлексию, поскольку всякое знание содержит эти аспекты. На мой взгляд, такой четырехмерный подход может быть полезен при анализе любого предмета философского исследования, ибо нацеливает на все его основные аспекты, часть которых обычно слабо исследуются или вообще оставляют в тени.

Ю.М.: *Да, мне также близок такой подход. В конце 1990-х я задумал издать 3 части книги «Введение в социальную теорию» — «Социальная эпистемология» (М., 1999), «Социальная онтология» (М., 1999), «Социальная праксеология». Правда, к ним впоследствии добавилась еще одна часть — «Социальная системология» (М., 2003). Мне не удалось завершить и издать только «Социальную праксеологию». Её место заняли мои разработки по теории и методологии социальной инженерии. А вот аксиологией в социальном плане мне не пришлось заниматься вплотную.*

Д.И.: При обсуждении проблемы интересубъективности, которое несколько лет назад широко проводилось в рамках полученного гранта, я применил такой подход. Оказалось, что акцентирование онтологического плана интересубъективности, а в известной мере и праксеологического, позволяет глубже осмыслить процесс формирования интересубъективности на уровне индивидуального сознания, соотношение высказываний от первого и от третьего лица, помогает выделить фазу, которую я называю *интро-интерсубъективностью*. Это феномен аутокоммуникации, реальность которого знакома каждому. Он четко проявляется, когда у нас зарождается некая новая мысль, и мы пытаемся её прояснить для себя и воплотить в приемлемой для себя словесной форме, напрягаемся, перебираем различные образы и слова, и, наконец, срабатывает санкционирующий регистр, своего рода чувство «да!». И мы находим удачную, удовлетворяющую нас форму выражения, и готовы передать это во внешнюю коммуникацию, где, собственно, и достигается статус интересубъективности. Указанный феномен проявляется и в обратном процессе — в актах *понимания* информации, переданной извне. Но особенно он ярок и значителен, и бывает не только мгновенным, но и весьма длительным, в процессах научного и художественного творчества.

В нескольких статьях я рассматривал четыре основные гносеологические ситуации, в которых всегда и одновременно пребывает всякий познающий субъект. Это: (1) знание о знании (рефлексия собственного знания, довольно сложный и противоречивый процесс); (2) незнание о знании (ситуация, которую подробно рассматривал М. Полани; она весьма интересна и существенна для понимания процесса познания); (3) знание о незнании (проблемная ситуация, когда возникают вопросы и надо искать на них ответы); (4) незнание о незнании (допроблемная ситуация). Это наиболее интересная ситуация: мы не только не знаем чего-то, но даже не догадываемся об этом. Например, двести лет тому назад мы ничего не знали о вирусах, но и не подозревали, что не знаем этого, и были в этом отношении спокойны; я назвал эту ситуацию «стадией спокойствия духа».

Нет проблемы! Но ведь и сегодня на нас действует множество факторов, о которых мы не только ничего не знаем, но и не знаем, что не знаем. Эту темную бездну незнания, по краю которой мы, не замечая того, спокойно ходим, остро чувствовали великие мыслители и поэты. Именно из неё время от времени выплывают странные феномены, которые создают то, что можно назвать «предпроблемной ситуацией». Я сформулировал это понятие и на примерах из истории науки проанализировал её наиболее существенные черты. Она обычно переходит в проблему или оказывается псевдопроблемой. Правда, иногда предпроблемные ситуации тлеют многие десятилетия. Рефлексия допроблемной ситуации — важное условие глубокого осмысления ограниченности человеческого разума и перспектив его развития.

В течение многих лет я занимался проблемой, которую называю *фундаментальной асимметрией в познавательной и практической деятельности человека*. Суть этой асимметрии состоит в том, что познавательная и преобразовательная деятельность человека направлены преимущественно во внешний мир, в то время как самопознание и самопреобразование несопоставимы с внешней активностью, — как по масштабам и результатам, так и по затрачиваемым силам и средствам. Мною показано, что эта асимметрия является нашим биологическим наследием, она сохранялась в процессе антропогенеза, неуклонно углублялась на протяжении всей истории человечества и ныне угрожает самому его существованию. Нетрудно увидеть необходимую зависимость познания и преобразования внешнего мира (в отношении его целей, способов и результатов) от самопознания. Слабость последнего влечет неподлинность цели познания и преобразования внешнего мира, сужает диапазон творческих возможностей. Она ведет к нарастанию негативных последствий деятельности и явному абсурду, ибо слишком уж часто человек не ведает, что творит, а если ведает, что творит зло, то не может остановиться, побороть свои привычки, эгоистические устремления и слабости. Отсюда и существенная роль самообмана в структуре сознания как фактора компенсации ограниченности знания и слабости воли. Лишь в последние десятилетия намечились существенные достижения в области самопознания и самопреобразования, связанные, прежде всего, с успехами биологии, нейронауки, медицины, с развитием информационных технологий. Однако и они демонстрируют свою проблематичность, так как несут человечеству новые риски и угрозы, не изменяя доминирующий вектор его развития.

С конца прошлого и начала нынешнего века в нашей философской литературе стала интенсивно обсуждаться проблематика искусственного интеллекта в её связи с естественным интеллектом и, следовательно, со многими существенными вопросами изучения психических процессов, сознания, субъективной реальности. В 2004 г. А.Ю. Алексеев и я организовали и провели первую молодежную конференцию, посвященную философским вопросам искусственного интеллекта. А в следующем году мы с В.А. Лекторским организовали и провели первую Всероссийскую конференцию «Философия искусственного интеллекта», на которой присутствовало около 300 человек из разных регионов страны, многие ведущие российские специалисты в области искусственного интеллекта. На основе решения этой конференции в марте 2005 г. был создан Научный совет РАН по методологии искусственного интеллекта, который возглавил академик РАН В.Л. Макаров — директор Центрального экономико-математического института РАН, член Президиума РАН и в то время академик-секретарь Отделения общественных наук РАН. В состав Совета вошли ведущие специа-

листы из 12 академических институтов, в т.ч. философы, психологи, нейрофизиологи, лингвисты (наряду со специалистами в области математики, физики, информатики, компьютерных дисциплин). Это единственная в России структура, в которой на протяжении более 14 лет разрабатываются междисциплинарные проблемы развития искусственного интеллекта. У Совета 16 региональных отделений в крупных научных центрах страны, систематически работают 15 тематических секций, молодежная секция (проведено 11 Всероссийский конференций студентов, аспирантов и молодых ученых под общим названием «Искусственный интеллект: философия, методология, инновации», издано 16 томов их материалов). Советом проведено множество научных конференций, симпозиумов, круглых столов, издано большое число научных работ. Все эти 14 лет, будучи сопредседателем Совета, я руковожу совместно с В.А. Лекторским его заседаниями и ежемесячными теоретическими семинарами. Вся эта очень большая работа ведется нами столько лет на общественных началах, не получая, к сожалению, какой-либо поддержки со стороны Президиума РАН и государственных органов, несмотря на её важное значение для нашей страны.

Естественно, что моя работа в Совете стимулировала и обязывала серьезно заниматься философскими, теоретическими и методологическими проблемами развития искусственного интеллекта, особенно в плане их тесных связей с вопросами исследования сознания и информационных процессов, с задачами расшифровки мозговых кодов психических явлений. По этой тематике мною опубликован ряд статей, издана книга «Сознание, мозг, искусственный интеллект» [5]. В 2011 г. под моей и В.А. Лекторского редакцией вышел сборник статей «Естественный и искусственный интеллект: методологические и социальные проблемы», в котором опубликованы две мои статьи [8].

Весьма актуально рассмотрение проблемы искусственного интеллекта в контексте конвергентного развития НБИКС (нанотехнологий, биотехнологий, информационных, когнитивных, социогуманитарных технологий и соответствующих им научных дисциплин). Это важно подчеркнуть в связи с неуклонно нарастающим глобальным кризисом нашей цивилизации.

В последние двадцать лет эта проблема меня сильно волнует, и сегодня она, без преувеличения, заняла центральное место в моих исследованиях. Уже нет сомнений в том, что глобальный кризис ведет земную цивилизацию к гибели. Об этом много говорят и пишут. Однако не видно каких-либо существенных противодействий такому ходу развития общества. Мировая политическая и экономическая элита погружена в свои повседневные проблемы – борьбы за власть, прибыль, обладание природными ресурсами, конкурентными преимуществами и т.п. Развитие нашей цивилизации замкнуто в параноидальном кругу («ещё больше производить, чтобы ещё больше потреблять, чтобы ещё больше производить и т.д.»), из которого нет выхода.

Сегодня мы пришли к такому состоянию, когда многие нарушения земной биосистемы стали необратимыми. При этом цепная реакция негативных изменений биологических, химических и физических процессов планетарного масштаба влечёт непредсказуемые экономические, демографические, социально-политические деформации, чреватые раздорами и войнами. Все это документально показано в 50-м Юбилейном докладе Римского клуба и особенно полно во «Втором предупреждении ученых мира человечеству» (2017 г.). «Первое предупреждение», опубликованное в 1992 г., подписали 1700 ученых. Под вторым стоят подписи уже более 15000 ученых из 184 стран мира.

Лейтмотив обоих документов: «Мы должны изменить наше сознание!». Ведь именно наше сознание, наш разум определяет цели, способы и результаты нашей глобальной разрушительной деятельности, хорошо сознавая вопиющую недопустимость, гибельную направленность такой деятельности человека, в т.ч. для самого себя, но последний продолжает её инициировать и расширять. Вот в чем суть проблемы.

Но негативные свойства массового сознания, такие, как неумное потребительство, агрессивность, чрезмерное эгоистическое своеволие укоренены в природе человека и, значит, обусловлены биологическими, генетическими факторами. Возможно ли, в принципе, их изменить? Здесь перед нами все та же старая проблема, выражаемая лишь другими словами. Это — *биосоциальная проблема* во всей её парадоксальности. Все люди — биологические существа, и если в их организме происходит «поломка», то они теряют свое качество социального индивида. Биологическое первично, а социум вторичен, возник из земной биологической системы, которая является его необходимой основой, но системно и все более быстрыми темпами уничтожает её и тем самым самого себя.

Как выглядит на этом фоне позиция радикального социологизатора, категорически отрицающего существенную, а иногда решающую роль биологического в формировании личности и в развитии общества (многие помнят знаменитое заявление Ильенкова, что формирование личности зависит от социальных факторов «на сто процентов, а не на девяносто процентов и даже не на девяносто девять процентов» (см. прим. 16).

Но ведь до сих пор такая позиция, пусть в несколько смягченной форме, бытует в умах не только наших, но и многих западных философов левого толка с их квазигуманизмом и популистской риторикой. Надо ли доказывать, что такой образ мысли затушевывает остроту проблем глобального кризиса, препятствует поиску решения биосоциальной проблемы.

Как найти выход из нынешней парадоксальной ситуации, угрожающей человечеству гибелью? Вот судьбоносный вопрос, который должен иметь для наших философов первостепенное значение. Однако из их огромного числа лишь очень немногие касаются проблем глобального кризиса, гибельного пути нашей цивилизации; специальной же их разработкой занимаются единицы и, на мой взгляд, далеко не всегда с достаточной основательностью.

Выступая недавно с докладами в философских аудиториях, я проводил «референдум», просил ответить на вопрос: кто читал «Второе предупреждение ученых человечеству?». В одной аудитории из нескольких десятков человек поднял руку только один. В двух других, как я специально выяснял, никто даже не слышал об этом.

Я не буду анализировать причины такой отрешенности от главной философской проблемы нашего времени. Их слишком много. Скажу только, что для её решения нам нужна новая философия и, значит, новые философы. Новая философия должна преодолеть тот парадигмальный репертуар классической философии, сохранившийся и в так называемой постклассической философии, включая современную аналитическую философию и множество новомодных концепций релятивистского, конструктивистского и иного толка. Она должна преодолеть заложенные в этом парадигмальном репертуаре ключевые интенциональные структуры, как бы рассчитанные на высокую прочность, необозримую долговечность жизни человечества, не знакомого ещё с ледяным дуновением надвигающегося небытия. Новая философия дол-

жна поставить в центр своих исследований задачу преобразования нашего сознания, формирование новых жизнеутверждающих ценностей, творчество новых экзистенциальных смыслов в перспективе антропотехнологической эволюции.

Я отдаю себе отчет в том, что заявляю слишком решительные, крайне слабо обоснованные положения, граничащие с прожектерством и фантастикой. Но именно в этом направлении сейчас я пытаюсь сконцентрировать свои мыслительные усилия, сознавая их слабость и ограниченность своего ума. Но несмотря ни на что, я сохраняю убеждение, что мы сейчас находимся в преддверии новой философии и обязаны содействовать назревшим крутым переменам.

Отвечая на ваши вопросы, я изложил почти всю свою научную биографию. Понимаю, что слишком затянул ответ. Но это надо было сделать. Учитывая мой возраст, у меня, скорее всего, больше не будет такой возможности. При редактировании интервью в тех местах, где обсуждались положения разных авторов, я привел точные цитаты из их публикаций и дал соответствующие сноски, чтобы все можно было проверить. Привел и названия моих работ, на которые ссылался.

Ю.М.: Спасибо, Давид Израилевич! Мне очень нравится Ваша идея новой философии и я готов поддержать Вас в необходимости её обоснования. Лично для меня такой философией выступает экофилософия, которая не получала у нас достаточной разработки. Но об этом мы поговорим как-нибудь в другой раз.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровский Д.И. Психические явления и мозг: философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными вопросами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. — М.: Наука, 1971. — 385 с.
2. Дубровский Д.И. Информация, сознание, мозг. — М.: Высшая школа, 1980. — 286 с.
3. Дубровский Д.И. Обман: философско-психологический анализ. — М.: Рэй, 1994. — 120 с.
4. Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. Изд. 2-е доп. — М.: Канон+, 2002. — 336 с.
5. Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. — М.: Стратегия-Центр, 2007. — 267 с.
6. Дубровский Д.И. Обман: философско-психологический анализ. 2-е, доп. изд. — М.: Канон+, 2010. — 336 с.
7. Дубровский Д.И. Проблема «Сознание и мозг: Теоретическое решение». — М.: Канон+, 2015. — 208 с.
8. Естественный и искусственный интеллект: методологические и социальные проблемы / Под общ. ред. В.А. Лекторского и Д.И. Дубровского. — М.: Канон+, 2011. — 352 с.
9. Проблема сознания в философии и науке / Под ред. Д.И. Дубровского. — М.: Канон +, 2009. — 472 с.
10. Слепоглухонмота: исторические и методологические аспекты. Мифы и реальность. Изд. 2-е, доп. / Редколлегия: А.Ю. Алексеев, Д.И. Дубровский — отв. редактор, В.Г. Кузнецов, С.А. Сироткин, Е.А. Янковская. — М.: Интелл, 2018. — 194 с.

BIBLIOGRAPHY

1. Dubrovskiy D.I. Psikhicheskie yavleniya i mozg: filosofskiy analiz problemy v svyazi s nekotorymi aktualnymi voprosami nefrofiziologii, psikhologii i kibernetiki. — M.: Nauka, 1971. — 385 s.
2. Dubrovskiy D.I. Informatsiya, soznanie, mozg. — M.: Vysshaya shkola, 1980. — 286 s.
3. Dubrovskiy D.I. Obman: filosofsko-psikhologicheskii analiz. — M.: Rey, 1994. — 120 s.
4. Dubrovskiy D.I. Problema idealnogo. Subektivnaya realnost. Izd. 2-e dop. — M.: Kanon+, 2002. — 336 s.
5. Dubrovskiy D.I. Soznanie, mozg, iskusstvennyy intellekt. — M.: Strategiya-Tsentr, 2007. — 267 s.
6. Dubrovskiy D.I. Obman: filosofsko-psikhologicheskii analiz. 2-e, dop. izd. — M.: Kanon+, 2010. — 336 s.
7. Dubrovskiy D.I. Problema «Soznanie i mozg: Teoreticheskoe reshenie». — M.: Kanon+, 2015. — 208 s.
8. Estestvennyy i iskusstvennyy intellekt: metodologicheskie i sotsialnye problemy / Pod obshch. red. V.A. Lektorskogo i D.I. Dubrovskogo. — M.: Kanon+, 2011. — 352 s.
9. Problema soznaniya v filosofii i nauke / Pod red. D.I. Dubrovskogo. — M.: Kanon +, 2009. — 472 s.
10. Slepogluhonomota: istoricheskie i metodologicheskie aspekty. Mify i realnost. Izd. 2-e, dop. / Redkollegiya: A.Yu. Alekseev, D.I. Dubrovskiy — отв. редактор, V.G. Kuznetsov, S.A. Sirotkin, E.A. Yankovskaya. — M.: Intell, 2018. — 194 s.

Примечания

1. См.: *Дубровский Д.И.* Проблема свободы воли и современная нейронаука // Журнале высшей нервной деятельности. 2017. – Т. 67. – № 6. – С. 739–754; см. также: Dubrovsky David I. “The Hard Problem of Consciousness”. Theoretical solution of its main questions // *AIMS Neuroscience*. – 6 (2): 85–103. DOI: 10.3934/Neuroscience.2019.2.85 – Scopus, Web of Sc.
2. См.: Backhurst David. *Consciousness and Revolution in Soviet Philosophy: From the Bolsheviks to Evald Ilyenkov*. – Cambridge University Press, 1991. – Pp. 227, 228, 229, 231, 234.
3. См.: *Ильенков Э.В.* Становление личности: к итогам научного эксперимента // Коммунист. – 1977. – № 2. – С. 68–79.
4. См.: там же. – С. 68, 71.
5. См.: *Дубинин Н.П.* Наследование биологическое и социальное // Коммунист. – 1980. – № 11. – С. 72–73.
6. См.: Материалы XVIII международной научной конференции «Ильенковские чтения». Белгород, 28–29 апреля 2016 г. – Белгород, 2016.
7. См.: там же. – С. 52, 53, 100 и др.
8. См.: там же. – С. 101.
9. См.: там же. – С. 135.
10. См., например, две статьи Ю.В. Пущаева (Вопросы философии. – 2013. – № 3 и № 9), специально посвящённые этой теме.
11. См.: Слепоглухонмота: исторические и методологические аспекты. Мифы и реальность. Изд. 2-е, доп. / Редколлегия: А.Ю. Алексеев, Д.И. Дубровский – отв. редактор, В.Г. Кузнецов, С.А. Сироткин, Е.А. Янковская. – М.: Интелл, 2018. – 194 с.
12. *Дубровский Д.И.* Проблема идеального. Субъективная реальность. Изд. 2-е доп. – М.: Канон+, 2002. – 336 с.
13. *Апресян Р.Г.* О праве лгать. – М.: РОССПЭН, 2011. – 392 с.
14. См.: *Дубровский Д.И.* Эпистемология субъективной реальности // Эпистемология и философия науки. – 2004. – № 4. – С. 35–55.
15. См.: *Дубровский Д.И.* О специфике философской проблематики и основных категориальных структурах философского знания // Вопросы философии. – 1984. – № 11. – С. 62–68.
16. *Ильенков Э.В.* Психика и мозг (Ответ Д.И. Дубровскому) // Вопросы философии. – 1968. – № 11. – С. 150.

Поступила в редакцию 14.08.2019 г. (№ 2340)